

«День» 1888, 25 ноября № 189

Мас.

73. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Господа поэты, а можетъ быть даже и господа пѣты, народъ наи-

болѣе отзывчивый. Они первые вняли общимъ жалобамъ на отсутствіе у насъ критики. А внявши, поставили на время въ уголъ свои сладкозвучныя лиры и вооружившись критическимъ скальпелемъ, начали поополнять столь крупный пробѣлъ въ нашей текущей литературѣ.

Антикритическое движеніе въ средѣ поэтовъ впервые разгорѣлось въ Кіевѣ. Возстали поэты противъ современныхъ критиковъ подъ предводительствомъ Минскаго и Максима Бѣлинскаго. Они обозвали критиковъ школьными учителями, которыхъ поэты, выросшіе изъ гимназическаго мундира, долше слушаться не намѣрены, хотя и готовы относиться къ нимъ съ должнымъ почтеніемъ, снисходя къ требованіямъ исторической перспективы.

Послѣ такого заявленія поэтамъ-протестантамъ оставалось только ввести въ русскую критику свое «новое слово». И вотъ въ роли критика мы сперва видимъ г. Андреевскаго, а затѣмъ и г. Мережковскаго, помѣстившаго плодъ своего перваго критическаго опыта на страницахъ «Сѣвер. Вѣстника». Г. Мережковскій прежде всего повторяетъ, что дѣло критики у насъ находится въ самомъ печальномъ положеніи. «Передъ каждымъ произведеніемъ, въ которомъ не слишкомъ рѣзко обозначена общественная тенденція, дающая поводъ хоть о чемъ нибудь поговорить и поспорить, «критики», сокрушает-

ся г. Мережковскій, останавливаются въ полномъ безпомощномъ недоумѣніи (прежніе «критики» здѣсь поставили бы, пожалуй *точку*), болѣе смѣлые и (?) изъ нихъ съ плеча отрицаютъ самую возможность подобныхъ произведеній (отрицать возможность появленія появившихся произведеній?! — не слишкомъ ли ужъ клеветаете на старыхъ критиковъ, г. Мережковскій?), болѣе трусливые хвалятъ, но сдержанно и неискренне только потому, что всѣ ихъ знакомые литературные кружки и публика хвалятъ (разберите-ка смыслъ послѣдней фразы: хвалятъ ли *потому* или сдержанно и неискренне — *потому?*)»...

Что касается г. Мережковскаго, то онъ ни передъ чѣмъ въ недоумѣніи не останавливается (вѣроятно въ юности и правила русской рѣчи въ немъ недоумѣнія никакого не возбуждали), и берется, «прочувствовавши и проанализировавши красоту живыхъ образовъ» произведеній г. Ан. Чехова преподнести ихъ намъ въ препарованномъ видѣ. Здѣсь г. Мережковскій, какъ образованный молодой человекъ, адресуется прежде всего къ Спенсеру, который полагаетъ, что «со временемъ красота звуковъ отодвинетъ на задній планъ красоту слова и пластическихъ образовъ». Г. Мережковскій съ своей стороны полагаетъ, что «можетъ быть, эта мысль и не исполнѣ вѣрна («можетъ быть»... и «не исполнѣ» — какая осторожность въ утвержденіяхъ!), во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что совре-

менное настроеніе массъ (?) въ значительной степени ее (мысль, а не справедливость мысли — какъ сказалъ бы вѣроятно, старый критикъ) подтверждаетъ». Г. Мережковскій къ ужасу своему замѣчаетъ, что «вкусъ и пониманіе живописи, скульптуры и даже отчасти поэзіи уменьшается (*вкусъ живописи уменьшается!* вотъ они «новыя слова»)... Но поэты и беллетристы — дѣти своего вѣка, вслѣдствіе чего мы и видимъ, по мнѣнію г. Мережковскаго, что они также стараются въ своихъ произведеніяхъ «воплотить въ словѣ неясное, неуловимое и почти непередаваемое (которое, однако, берется передать г. Мережковскій) волненіе, доступное, по видимому, только одной музыкѣ (*воплотить волненіе доступное только музыкѣ?! Часъ отъ часу не легче*)».

Г. Чеховъ, по опредѣленію г. Мережковскаго, принадлежитъ именно къ числу тѣхъ беллетристовъ, которые въ своихъ произведеніяхъ, говоря языкомъ критика, воплощаютъ волненія, доступныя только музыкѣ. Далѣе мы узнаемъ, что у г. Чехова есть и другая особенность. «Онъ одинаково любитъ и природу и *человѣческій міръ* (вѣроятно духовный міръ челоуѣка. Совсѣмъ мы еще не привыкли понимать «новыя слова»):. Между тѣмъ какъ «въ большинствѣ писателей (старый критикъ сказалъ бы — у большинства писателей) это два элемента болѣе или менѣе исключаютъ другъ друга». Въ виду такого опредѣленія, г. Мережковскій

называетъ даже произведенія Чехова не повѣстями или рассказами, а «новеллами».

Чтобы увидѣть, насколько г. Мережковскій вѣрно опредѣлилъ характеръ таланта г. Чехова, насколько справедливо его указаніе, что г. Чеховъ обладаетъ лишь способностью музыкальнаго инструмента, способностью «воплощать въ словѣ неясное, неуловимое и почти непередаваемое волненіе», мы приведемъ выдержку изъ лучшей его «новеллы» — «Кошмаръ». Здѣсь фигурируетъ либеральный «сытый членъ по крестьянскимъ дѣламъ и загнаный, забитый сельскій священникъ. «Грязень перяха, глупъ, грубъ и навѣрное пьяница. Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа!» Въ такой формѣ выражается негодованіе благообразнаго земца при видѣ священника. Но вотъ однажды священникъ разоткровенничался съ земцемъ и нарисовалъ ему свое положеніе. «Во время обѣдни, знаете, рассказываетъ онъ, выглянешь изъ алтаря, да какъ увидишь свою публику, голоднаго Авраамія и попадюю... вѣрите ли забудешься и стоишь, какъ дуракъ, въ безчувствіи, пока пономарь не окликнетъ... Ужасъ, Господи, Иисусе! Святые Угодники! И служить даже не могу. Вы вотъ про школу мнѣ говорите, а я какъ истуканъ, ничего не понимаю и только объ тѣдѣ думаю... Даже передъ престоломъ...» Неужели этотъ и многіе подобныя

разсказы Чехова возбуждаютъ въ его критикѣ, г. Мережковскомъ, только «неясное, неуловимое и почти непередаваемое волненіе?» Вообще же, если проводить параллель между поэзіей музыки и поэзіей слова, то можно сказать, какъ разъ обратно тому, что утверждаетъ г. Мережковскій: поэзія музыки стремится теперь замѣнить неопредѣленные мелодіи болѣе опредѣленными образами и картинами...

Впрочемъ и г. Мережковскій въ концѣ концовъ признается, что произведенія г. Чехова даже не чужды иной разъ тенденціи. По этому поводу онъ приходитъ къ заключенію, что «служеніе красотѣ, «вдохновеніе, звуки сладкіе, молитвы» вовсе не предполагаютъ въ писателѣ отреченія отъ жгучихъ интересовъ дня и общественнаго индиферентизма». Мы, конечно, до сихъ поръ не знали, что служеніе, вдохновеніе, звуки и молитвы могутъ что нибудь предполагать (старый критикъ сказалъ бы: не даютъ повода предполагать). Но если это такъ, то съ нами давно уже согласны всѣ критики. Въ изложеніи г. Мережковскимъ предположеній звуковъ и прочаго, мы только не совсѣмъ понимаемъ, какъ можно совмѣстить въ себѣ отреченіе отъ жгучихъ интересовъ дня съ отреченіемъ отъ общественнаго индиферентизма. Право, г. Мережковскій, прежде чѣмъ объявить себя новаторомъ, слѣдовало бы вамъ хоть немножко поучиться правильной русской рѣчи добраго стараго времени. Теперь же читатели вашихъ критическихъ произведеній, стараясь уразумѣть смыслъ нѣкоторыхъ положеній, сплошь и рядомъ «останавливаются въ полномъ, безпомощномъ недоумѣніи»...

Б-н-ч-ъ.